

DOI: 10.31857/S013038640014695-2

© 2021 г. И.К. БОГОМОЛОВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА СТЭНЛИ УОШБЕРНА

Богомолов Игорь Константинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

Аннотация. Статья посвящена деятельности американского журналиста Стэнли Уошберна в годы Первой мировой войны. Основой для статьи послужили воспоминания Уошберна, изданные после его смерти и до сих пор не привлекавшие в российской историографии. Отправляясь в Европу в августе 1914 г., он планировал освещать военные действия на Западном фронте. Однако владелец лондонской «Таймс» Альфред Хармсворт уговорил Уошберна поехать на русский фронт. Для Лондона и Петрограда Уошберн был ценен как представитель крупнейшей нейтральной державы, потенциального кредитора, поставщика оружия и боеприпасов. Уошберн мог улучшить образ союзников в американском общественном мнении. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов поощрял его поездки на фронт, преодолевая недоверие и сопротивление Ставки и лично великого князя Николая Николаевича. Это позволило Уошберну увидеть крупнейшие битвы на Восточном фронте. Он побывал во Львове и Перемышле, был свидетелем великого отступления, Брусиловского прорыва. На фронте и в Ставке он познакомился со многими крупными военачальниками, дважды разговаривал с императором Николаем II. Последний раз Уошберн посетил Россию в 1917 г. в составе миссии сенатора Элиу Рута. Враждебно восприняв Октябрьский переворот, он выступал против дипломатического признания СССР и подчеркивал вклад России в победу Антанты и недооценку этого вклада в послевоенной Европе.

Ключевые слова: Первая мировая война, США, Россия, воспоминания, Стэнли Уошберн, лорд Нортклифф, С.Д. Сазонов, Николай II.

I.K. Bogomolov

The First World War in the Memoirs of the American Journalist Stanley Washburn

Igor Bogomolov, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

Abstract. The article is devoted to the activities of the American journalist Stanley Washburn during the First World War. The article is based on the memoirs of Washburn, published posthumously and still

poorly represented in Russian historiography. Departing for Europe in August 1914, he planned to cover military operations on the Western Front. However, the owner of the London Times, Alfred Harmsworth, persuaded Washburn to go to the Russian front instead. For London and Petrograd, S. Washburn was valuable as a representative of a major neutral power, a potential creditor, supplier of weapons and ammunition. He could improve the image of the allies in American public opinion. Russian Foreign Minister Sergey D. Sazonov encouraged him to travel to the front, overcoming the mistrust and resistance of the Headquarters and Grand Duke Nikolai Nikolaevich himself. This allowed Washburn to see the largest battles of the Eastern Front, visit Lviv and Przemyśl, witness the Great Retreat and Brusilov Offensive. Both at the front and Headquarters, he met many major military leaders and twice talked with Emperor Nicholas II. Washburn's last visit to Russia took place in 1917 as part of Senator Elihu Root's mission. Reacting to the October Coup with hostility, he opposed the diplomatic recognition of the USSR, emphasized the contribution of Russia to the victory of the Entente and the underestimation of this contribution in post-war Europe.

Keywords: First World War, USA, Russia, memoirs, Stanley Washburn, Lord Northcliffe, S.D. Sazonov, Nicholas II.

Среди иностранных корреспондентов, освещавших бои на фронтах Первой мировой войны, особого внимания заслуживает деятельность американского журналиста Стэнли Уошберна (1878–1950). Работая в России, Уошберн одним из первых корреспондентов попал во взятую русскими войсками крепость Перемышль, был свидетелем «великого отступления» русской армии, Брусиловского прорыва, катастрофы румынской армии. Результатом напряженной и плодотворной журналистской деятельности были материалы в газетах «Таймс» и «Чикаго трибьюн», на основе которых были изданы четыре книги о России и русском фронте¹. Несмотря на это, деятельность Уошберна до последнего времени почти не привлекала внимание исследователей. Еще в 1970 г. американский историк Алтон Инграм отмечал, что исследователи «упускают или игнорируют» материалы Уошберна по России². За прошедшие годы мемуары Уошберна упоминались, как правило, в общих трудах о Первой мировой войне³, в исследованиях сражений на русском фронте, в работах о комиссии сенатора Элиу Рута, посетившего революционную Россию в 1917 г.⁴ Уошберн почти не фигурировал в советской историографии, так как высоко оценивал боеспособность русской армии, критиковал нововведения в ней после Февральской революции, враждебно отнесся к большевистскому перевороту⁵.

Однако и сегодня об Уошберне вспоминают редко. За прошедшие 30 лет в России о нем вышло только четыре статьи, причем три из них – в последние годы⁶. В зарубежной историографии ситуация немногим лучше: можно отметить лишь монографию

¹ *Washburn S.* Field Notes from the Russian Front. London, 1915; *Idem.* The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915; *Idem.* Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916; *Idem.* The Russian Advance. New York, 1917.

² *Ingram A.E.* The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970. P. 49.

³ *Researching World War I: A Handbook.* London, 2003.

⁴ *Polk J.* A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

⁵ *Листиков С.В.* Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. М., 1997. С. 186.

⁶ *Третьякова С.Н.* Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76; *Банникова Н.В.* Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Уошберна в расположении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–141; *Богомолов И.К.* Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 3. С. 78–99.

Криса Даббса об американских корреспондентах времен Первой мировой войны⁷. Даббс первым в историографии подробно описал работу Уошберна на русском фронте. При этом большим недочетом работы Даббса является отсутствие ссылок на использованную литературу. Однако именно его библиографический список указал на редкий и весьма важный источник — мемуары Стэнли Уошберна.

Судя по содержанию, воспоминания были закончены около 1940 г.⁸ Лишь в 1982 г. воспоминания были изданы потомками журналиста под названием «На русском фронте Первой мировой войны: мемуары американского военного корреспондента»⁹. Книга состоит из 27 глав, в которых Уошберн повествует о своей работе корреспондентом «Таймс» и членом комиссии Рута (август 1914 — август 1917 г.). Издание снабжено снимками фотографа Джорджа Мьюза, сопровождавшего Уошберна в поездках по фронту. Воспоминания не переиздавались, став к настоящему времени библиографической редкостью.

В отечественной литературе об Уошберне до сих пор не было ссылок на эти мемуары. Автор в своей недавней статье¹⁰ также ссылался на монографию Даббса, который кратко пересказал их содержание. Однако знакомство с полным текстом воспоминаний дает значительно больше сведений и сюжетов о Европе времен Первой мировой войны. Воспоминания ценны и как источник по политической истории России: Уошберн приводит свои беседы с русскими чиновниками, дипломатами, военачальниками, коллегами-журналистами, с императором Николаем II. В статье приводятся рассуждения Уошберна о русской армии и ее противниках, о России кануна революции 1917 г. Воспоминания расширяют представление о работе корреспондентов на русском фронте, дополняют малоизвестную биографию Стэнли Уошберна. К анализу источника привлечены воспоминания современников Уошберна, газетные материалы, документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ).

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Стэнли Уошберн родился 7 февраля 1878 г.¹¹ в США в г. Миннеаполис, в семье конгрессмена-республиканца Уильяма Дрю Уошберна. После окончания Гарвардской школы права Уошберн в 1901–1902 гг. работал полицейским репортером в «Миннеаполис джорнэл» и «Миннеаполис таймс». В 1904 г. молодой журналист был назначен корреспондентом газеты «Чикаго дейли ньюз» на фронтах русско-японской войны. Свое пребывание в расположении третьей японской армии Уошберн описал в книге о генерале Ноги Марэсукэ¹². В 1905 г. Уошберн впервые попал в Россию, откуда писал о событиях первой русской революции¹³.

Первая мировая война стала для Уошберна весомым поводом вернуться к журналистской работе. Уже 14 августа 1914 г. он отправился в Европу для освещения военных действий. Первоначально Уошберн планировал попасть на Западный фронт и через несколько дней достиг берегов Англии. По его словам, улицы Лондона «были заполнены войсками... но, как обычно во время кризисов в Англии, не было вообще никакого воодушевления»¹⁴. В Лондоне он встретил своего знакомого Харри Перри Робинсона,

⁷ Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

⁸ В главе XII Уошберн сравнивает оставление русскими войсками Варшавы в 1915 г. и ее взятие германской армией в 1939 г.

⁹ Washburn S. On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.

¹⁰ Богомолов И.К. Указ. соч.

¹¹ Здесь и далее даты приведены по Григорианскому календарю.

¹² Washburn S. Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

¹³ Washburn S. The Cable Game. Boston, 1912.

¹⁴ Washburn S. On the Russian Front... P. 5.

корреспондента лондонской «Таймс». Робинсон предложил Уошберну написать заметку в «Таймс» об отношении американского общества к начавшейся войне, что тот и сделал в ближайший вечер. Он отметил, что в американской и канадской провинциях интерес к европейским делам был больше, чем в больших городах. Симпатии американцев определенно принадлежали союзникам, а «в автомобилях, на улицах, в офисах... именно на тевтонов возлагается вина за то, что они вовлекли мир в катастрофу»¹⁵.

Приезд американских журналистов заинтересовал английскую печать, так как американцы могли быть полезны в качестве «сторонних наблюдателей» за происходящим в стане врага. Уже на следующий день после приезда Уошберн попал на собеседование в редакцию «Таймс», где ему предложили работать корреспондентом в Германии. Формально он должен был представлять американскую газету, но фактически это была работа на «Таймс», куда через США попадали бы материалы о внутренней жизни в Германии и Австро-Венгрии. Уошберн отказался, не увидев разницы между такой журналистикой и шпионажем. Казалось, на этом его сотрудничество с газетой должно было закончиться. Однако статья об отношении американцев к войне произвела впечатление в «Таймс» и серьезно изменила рабочие планы Уошберна.

На следующий день владелец «Таймс» Альфред Хамсворт, виконт Нортклифф, предложил Уошберну поехать в Россию в качестве корреспондента. Тот согласился, но с одним условием: за работу он не получит гонорара, редакция будет оплачивать только его проживание и телеграфные расходы. Все это Уошберн объяснял личными причинами: будучи женатым человеком, он не хотел связывать себя с редакцией и рисковать жизнью ради сообщений с фронта. Нортклифф с иронией заметил, что в России все равно не удастся заработать, так как «не о чем будет писать»¹⁶, но согласился с этим условием. Сам Уошберн такую щедрость владельца «Таймс» объяснял недостатком кандидатур для командировки на русский фронт.

Нортклифф подчеркнул, что Уошберн едет в Россию не только как журналист, и если у него появится возможность «сделать что-либо в дипломатической или военной сфере, или через политическую интригу», то он должен «забыть “Таймс” и служить “Делу”, которое... важнее, чем эксклюзивные депеши»¹⁷. Очевидно, что ни для Нортклиффа, ни для Лондона он не мог быть лишь сторонним наблюдателем за войной. Характерно, что Нортклифф поручил сообщить о его приезде в Россию английское министерство иностранных дел, русское посольство в Лондоне и английское посольство в Петрограде. С собой журналист взял также рекомендательные письма для английского посла Дж. Бьюкенена и министра иностранных дел России С.Д. Сазонова. Благодаря этому Уошберн получал доступ в «высокие» кабинеты в Петрограде, а его миссия в России изначально выходила за рамки журналистики.

С началом Первой мировой войны самый короткий путь из Англии в Россию пролегал через Норвегию и Швецию. Уошберн вспоминал позднее, что волновался из-за опасного пути, но еще больше — из-за предстоящей работы. Россию он не посещал уже девять лет, за это время были утеряны старые связи, неясно было, как примут американского журналиста в Петрограде и Ставке. В этом отношении очень помогли рекомендательные письма из Лондона. В первый же день он посетил английского посла, почувствовав себя «не столько корреспондентом, сколько членом дипломатического корпуса»¹⁸. Однако попасть на фронт в качестве корреспондента Уошберн не имел права.

Решение не пускать журналистов на фронт Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич принял в первые дни войны и не был настроен делать исключения. Не помогали многочисленные ходатайства журналистов, редакторов газет,

¹⁵ Ibid. P. 14.

¹⁶ Ibid. P. 19.

¹⁷ Ibid. P. 25.

¹⁸ Ibid. P. 29.

чиновников и дипломатов. Тем не менее приезд американского журналиста С.Д. Сазонов воспринял как возможность улучшить русско-американские отношения. На первой встрече он рассказал про неудачное наступление русской армии в Восточной Пруссии, спасшее в итоге Париж. Уошберн отметил, что Германия обречена на поражение, а после совершенных преступлений в Бельгии немцы в глазах мирового общественного мнения «выглядят беспощадными и жестокими агрессорами»¹⁹. Он предложил использовать войну как повод для переориентации русской торговли, так как германское торговое доминирование всегда будет «угрозой безопасности России»²⁰. Уошберн также вызвался написать черновой вариант официального заявления Сазонову о необходимости развивать торговлю России с Англией и США²¹. Текст появился в «Таймс» 16 сентября 1914 г. В нем искоренение германского импорта в Россию называется «большой коммерческой возможностью для Англии и Америки»²².

Уошберн прямо заявил Сазонову, что в Европе с подозрением и недоверием смотрят на русское самодержавие и предложил активно развивать положительный образ России²³. Первым и значимым шагом был бы допуск журналистов на фронт. Сазонов в ответ пообещал сделать все, что в его силах, чтобы уговорить Николая Николаевича допустить корреспондентов на фронт. В мемуарах Уошберн отмечал, что смог убедить Сазонова в своей полезности для России. Однако главной причиной смягчения позиции Ставки были поражения русской армии в Восточной Пруссии. Необходимо было бороться с распространением слухов и повысить доверие к официальным источникам информации. Было найдено компромиссное решение: допустить журналистов на фронт, но разрешить им передвигаться только по заранее намеченному маршруту и в строго определенное время²⁴. Количество корреспондентов также было ограничено: помимо Уошберна в поездку допустили еще четверых иностранцев²⁵.

Затруднения вызвал отбор подходящих кандидатов. Первоначально предполагалось допустить по одному представителю от каждой союзной страны. Однако Уошберн был представителем нейтральных США, но работал на английскую газету. Между тем официальный Лондон предпочел бы, чтобы английскую печать представлял англичанин и выбрали своего кандидата — британского историка Бернарда Пэрса. Однако Сазонов настойчиво просил сделать для американца исключение. По его мнению, крайне важно было поддерживать положительный образ России в США, так как, возможно, Петроград вскоре будет вынужден обратиться к американскому денежному рынку²⁶. В конце концов Сазонов добился своего: для Уошберна и для сопровождавшего его фотографа Джорджа Мьюза было сделано исключение²⁷.

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ТУРЫ ПО ФРОНТУ

7 октября 1914 г. группа русских и иностранных журналистов выехала из Петрограда на фронт. В основном корреспонденты посещали тыловые учреждения — лазареты, питательные пункты, пекарни. Однако журналисты видели свою работу в освещении боев на передовых позициях и несколько раз нарушали установленный маршрут²⁸. Уошберн тоже хотел попасть в окопы, но, пока это было запрещено, пытался искать сюжеты

¹⁹ Ibid. P. 33.

²⁰ Ibid. P. 34.

²¹ АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 82.

²² Field for British and American Enterprise // Times. 16.X.1914.

²³ Washburn S. On the Russian Front... P. 36.

²⁴ Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 30.

²⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2975. Л. 25.

²⁶ АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 77.

²⁷ Там же. Л. 79.

²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1; Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. М., 2015. С. 214.

в тылу, находить информацию о ресурсах, линиях коммуникаций, настроениях народа и армии. С его точки зрения, «если кто-либо хочет понять армию, он должен знать, откуда она происходит»²⁹. Уошберн также считал, что корреспонденты должны беречь себя, ибо они — ценные «бойцы» на пропагандистском фронте.

Одной из остановок группы была Ставка в Барановичах, где журналистов принял Николай Николаевич. В изображении Уошберна великий князь — «настоящий русский» человек, наделенный большой выдержкой, смелостью и патриотизмом, имеющий огромную популярность в армии. В то же время Николай Николаевич был «очень демократичен», одет в обычную полевую форму. Ставка также поразила Уошберна своей скромностью, аскетизмом и особенно отсутствием водки, которая «всегда была так дорога сердцу русских»³⁰.

В начале ноября 1914 г. группа журналистов возвратилась в Петроград. Во время вынужденного простоя в работе Уошберн много работал с военными картами, анализировал ход войны и полученный им опыт. В Петрограде он познакомился со многими коллегами и произвел на них хорошее впечатление. «Небольшого роста, веселый, бравый, он хорошо знает свое газетное дело», — вспоминал журналист М.К. Лемке³¹. Остановки в Галиции позволили Уошберну впервые увидеть военную повседневность, масштабы потерь и жестокость с обеих сторон. Уошберн увидел «достаточно убитых, раненых и пленных», чтобы понять свою главную задачу — всеми путями приближать заключение мира³². Находясь в Петрограде, он доказывал Бьюкенену и Сазонову, что австро-венгерские солдаты по большей части не понимают смысла войны, не видят причин рисковать своей жизнью. Необходимо было «немедленно, всеми возможными путями подрывать боевой дух австрийской армии и попытаться вбить клин между ними и немцами»³³.

В ноябре 1914 г. Уошберн приехал в Варшаву и дважды побывал в прифронтовых городах Кельцы и Радом. Сазонов лично ходатайствовал за Уошберна, доказывая генералам важность присутствия на фронте американского журналиста³⁴. В результате в январе 1915 г. Уошберну было разрешено побывать на передовых позициях. Обезд фронта длился около недели, были осмотрены позиции русской армии на Бзуре. Поездка на фронт, хотя и короткая, отняла у Уошберна много сил. Ежедневно он преодолевал десятки километров по разбитым дорогам, однако успевал регулярно писать для «Таймс»³⁵. После посещения фронта Уошберн уехал в Лондон и вернулся в Россию только в марте 1915 г., к моменту взятия русскими войсками Перемышля.

ПЕРЕМЫШЛЬ И ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Поначалу журналистам было отказано в посещении Перемышля, новости из крепости исходили только от Ставки. Чтобы обойти запрет, Уошберн вновь попросил помощь у дипломатов. В письме представителю МИД в Ставке князю Н.А. Кудашеву³⁶ он подчеркивал важность всестороннего освещения событий на русском фронте, так как на Западе о них почти никто ничего не знает. Чтобы исправить ситуацию, журналистов нужно регулярно допускать на фронт и давать им больше свободы передвижения. В связи с этим Уошберн просил дать ему возможность чаще бывать на передовой, а в обмен обещал предоставлять все свои корреспонденции и улучшить образ России и русской

²⁹ Washburn S. On the Russian Front... P. 42.

³⁰ Ibid. P. 44.

³¹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 81.

³² Washburn S. On the Russian Front... P. 75.

³³ Ibid. P. 67.

³⁴ АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 83, 83 об.

³⁵ Washburn S. On the Russian Front... P. 53.

³⁶ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 17, 18.

армии за границей. Кудашев ходатайствовал по этому поводу перед Николаем Николаевичем и получил одобрение³⁷.

В Перемышль Уошберн приехал в конце марта 1915 г. Генерал-губернатор Галиции граф Г.А. Бобринский принял Уошберна «холодно и, как и все высшие сановники, относился враждебно к корреспондентам и к прессе вообще»³⁸. В самом Перемышле, по его словам, мало что напоминало о войне, если бы не множество людей в военной форме. Уошберна потрясло количество сдавшихся австро-венгерских офицеров и их большое желание поскорее уехать в русский тыл. Им было позволено остаться в своей форме, и поэтому, «звоня шпорами и саблями, они расхаживали по улицам, самодовольные, высокомерные и тщеславные»³⁹. Уошберну трудно было поверить, что они вообще пленники, особенно на фоне их конвоиров — «грязных и серых» русских солдат. Статьи и фотографии из Перемышля перепечатывались в американской прессе, и Уошберн в личной переписке не раз благодарил Кудашева за возможность попасть во взятую крепость⁴⁰.

Начало великого отступления русской армии застало Уошберна в Петрограде. До фронта в это время было практически невозможно добраться из-за коллапса на железных дорогах. Для повышения своей мобильности Уошберн купил автомобиль, принадлежавший русскому гвардейскому офицеру⁴¹. Это помогло быстрее передвигаться по фронту, чаще бывать в войсках. Хотя Уошберн ни разу не попал под обстрел противника, постоянное напряжение, переезды и бытовая неустроенность сильно измотали его физически и психологически⁴².

Особенно тяжелое впечатление на Уошберна произвели немецкие газовые атаки, последствия которых он видел в лазаретах Варшавы в конце мая 1915 г. Вернувшись в Петроград, журналист убеждал Бьюкенена, Сазонова и Нортклиффа, что использование ядовитых газов лишь усилит взаимную ненависть и отдалит мир. Уошберн предложил провести в нейтральной стране (например, в Швеции) конференцию по запрету использования химического оружия на фронте. Однако в мемуарах он признал, что недооценил эффект от немецких газовых атак на Западном фронте: общественное мнение во Франции и Англии требовало возмездия и распыления газа над германскими окопами. Нортклифф сухо ответил Уошберну, что его предложение отклонено, и спросил, стоит ли ему оставаться на русском фронте. Уошберн, уставший за два месяца, был готов уехать, если бы не заинтересованность в нем Сазонова. Министр иностранных дел России отправил в Лондон официальный протест и дал понять, что отзыв Уошберна будет рассматриваться как «недружественный акт по отношению к русскому правительству»⁴³. Сазонов отправил в Ставку запрос об особом пропуске для Уошберна, так как этот журналист оказал России «ценные услуги в смысле проведения в иностранное общественное мнение благоприятных нам взглядов»⁴⁴. Кудашев в ответе министру отметил, что Уошберн и ранее «был поставлен в лучшие условия, нежели другие, даже русские корреспонденты»⁴⁵.

Уошберн получил допуск в штабы всех фронтов и смог лично познакомиться со многими военачальниками. На Юго-Западном фронте он был принят генералом Н.И. Ивановым — «тихим человеком, явно имеющим крестьянские корни»⁴⁶. В расположении 2-го кавалерийского корпуса он беседовал с великим князем Михаилом Александровичем,

³⁷ Там же. Л. 23.

³⁸ *Washburn S. On the Russian Front...* P. 88.

³⁹ *Ibid.* P. 91.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 28, 30, 34, 35.

⁴¹ Там же. Л. 33.

⁴² *Washburn S. On the Russian Front...* P. 108.

⁴³ *Ibid.* P. 116.

⁴⁴ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 37 об.

⁴⁵ Там же. Л. 39 об.

⁴⁶ *Washburn S. On the Russian Front...* P. 117.

«очаровательным, очень простым и очень сердечным человеком»⁴⁷. В штабе 8-й армии Уошберн впервые увидел А.А. Брусилова. Поначалу генерал встретил американского журналиста «весьма прохладно» и с иронией заметил, что ждет «важных военных советов, так как, конечно, журналисты гораздо больше разбираются в моем деле, чем я сам»⁴⁸. Уошберн, однако, не был смущен таким приемом, и в дальнейшем у них установились доверительные отношения⁴⁹. Брусилова он описывает так: «Хилый на вид мужчина с тонким, приятным и одухотворенным лицом. Он был очень замкнут, и, как я впоследствии узнал и удостоверился, большая часть штаба боялась его. Хотя он всегда говорил мягким голосом, его пронизательные глаза внушали страх всем окружающим»⁵⁰.

В Варшаву Уошберн вернулся в конце июля 1915 г., когда уже шла эвакуация. Передвигаясь по городу, Уошберн несколько раз попадал под обстрел и был, по его словам, близок к смерти. Уже на выезде из Варшавы он обратил внимание на двух девушек, которые спокойно шли по улице, неся в руках теннисные ракетки. Для Уошберна эта картина стала еще одним доказательством, что война — «разновидность работы», а бомбежки «перестают даже интересовать, не то что вызывать панику»⁵¹.

Между тем в Петрограде после потери Варшавы «все только и говорили о сепаратном мире»⁵². Уошберна эти настроения тревожили больше, чем обстановка на фронте. Куда-шеву он даже предлагал написать в Петроград «несколько успокаивающих телеграмм» о положении на фронте⁵³. Ту же идею Уошберн высказал Сазонову. Поводом для встречи послужил популярный в то время слух, что министр иностранных дел обсудил с царем условия сепаратного мира с Германией. «Обычно спокойный, Сазонов вскочил на ноги и вскричал: “Это неслыханная ложь!”», — вспоминал Уошберн свой разговор с министром⁵⁴. Воспользовавшись моментом, журналист предложил опубликовать в печати заявление, опровергающее слухи и демонстрирующее волю России к борьбе. Текст был написан и согласован за вечер и был напечатан от лица Сазонова в «Таймс» и в русской прессе⁵⁵. В нем подчеркивается, что русский народ полон решимости «сражаться до победного конца, даже если бы для этого потребовались годы и если бы нашим армиям пришлось отступить в сердце России»⁵⁶.

Заявление произвело впечатление на Николая II. 3 сентября 1915 г. Сазонов сообщил Уошберну о награждении его знаком отличия ордена Св. Анны за «полезную и выдающуюся службу делу и интересам России»⁵⁷. В октябре 1915 г. Уошберн был приглашен в Ставку на завтрак, после которого «удостоился милостивой беседы» с императором⁵⁸. Журналисту запомнилась напряженная атмосфера в ходе завтрака. Когда появился Николай II, присутствовавшие генералы и великие князья «замерли, словно статуи, и стояли как лакеи в присутствии этого очень простого человека». Царь изредка смеялся, и «для его свиты это выглядело так, словно внезапно рассмеялся Бог»⁵⁹. После завтрака Николай II подошел к Уошберну и беседовал с ним около получаса. Журналист убеждал царя в необходимости усилить влияние на общественное мнение и на настроения

⁴⁷ Ibid. P. 121.

⁴⁸ Ibid. P. 119.

⁴⁹ Cockfield J.H. General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studie. 2013. Vol. 26 (4). P. 654.

⁵⁰ Washburn S. On the Russian Front... P. 119.

⁵¹ Ibid. P. 133.

⁵² Ibid. P. 137.

⁵³ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 36.

⁵⁴ Washburn S. On the Russian Front... P. 137.

⁵⁵ Will of Russia // Times. 28.VIII.1915.

⁵⁶ Заявление министра иностранных дел // Московский листок. 18.VIII.1915.

⁵⁷ Washburn S. On the Russian Front... P. 140.

⁵⁸ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 42 об.

⁵⁹ Washburn S. On the Russian Front... P. 147.

в армии. «Вы постоянно пишите и говорите об общественном мнении, — заметил император, — но у нас в России нет общественного мнения». Уошберн ответил: «Ваше величество, разница между общественным мнением и его игнорированием — это разница между эволюцией и революцией». Последнее слово вызвало смятение у присутствующих, но царь поблагодарил журналиста за все, что тот делает для России и для него лично⁶⁰. Впоследствии Уошберн вспоминал о Николае II как об очень добром, обходительном, неглупом и демократичном «джентльмене», который, однако, подходил скорее на роль священника, чем самодержца огромной империи⁶¹.

В ноябре 1915 г. Уошберн встретился с Нортклиффом, которому доказывал необходимость всемерно помогать России и улучшать образ союзников в русском обществе. Нортклифф обрушился на Уошберна с критикой за то, что тот часто давал неточную информацию и «вводил в заблуждение союзников» относительно перспектив кампании на русском фронте⁶². Уошберн в ответ заявил, что русская армия нанесет мощный ответный удар в 1916 г., если получит 800 тыс. винтовок. Нортклифф обещал помочь, и определенные знаки этой помощи Уошберн видел, например винчестеры у солдат второго Сибирского корпуса⁶³.

После отдыха в США Уошберн вернулся в Европу в середине марта 1916 г. Ему довелось поговорить с британским министром иностранных дел Эдуардом Греем — «высоким, худощавым мужчиной с интеллигентным, красивым лицом»⁶⁴. Уошберн прямо заявил Грею, что «сердце России по отношению к Англии холодно как камень»⁶⁵. Подозрительность значительно усилилась на фоне поражений русской армии и якобы «бездействия» союзников на Западном фронте. Уошберн считал, что России нужна понятная, осязаемая компенсация за понесенные жертвы, например турецкие проливы и Константинополь. Необходимо было также создать в Петрограде Бюро пропаганды, чтобы активнее рассказывать об усилиях Англии и Франции, бороться с немецким влиянием и зловредными слухами. Наконец, Уошберн предложил пригласить в Англию членов Государственной думы и показать им, на какие жертвы идет Англия ради победы. Грей заметил, что миллионы русских крестьян в солдатских шинелях вряд ли поймут ценность Константинополя, но намекнул, что договоренности о проливах уже существуют. Уошберн предложил их обнародовать, чтобы воодушевить русское общество. Грей, после некоторых раздумий, согласился.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

В Россию Уошберн вернулся в мае 1916 г. и сразу отправился к министру иностранных дел. Сазонов признавался журналисту, что в апреле 1915 г. было заключено соглашение о передаче России Константинополя и проливов после войны. Он настаивал на письменном соглашении, так как «не мог быть уверен, что не оформленное на бумаге соглашение в последующие годы останется в силе при других правительствах и других послках»⁶⁶. Министр был не против публикации договора и согласился, что это окажет большое влияние на армию и общество в России. Через два дня он зачитал Уошберну заявления британского премьер-министра Г. Асквита о разрешении всех «застарелых споров» между Россией и Англией. Незадолго до этого Асквит на приеме делегации членов Думы и Государственного Совета заявил о «полном согласии, достигнутом британским и русским правительствами относительно Восточного вопроса»⁶⁷. Каких-либо уточнений премьер-министр не сделал, Грей в парламенте также отказывался комментировать

⁶⁰ Ibid. P. 149.

⁶¹ Ibid. P. 153.

⁶² Ibid. P. 161.

⁶³ Ibid. P. 176.

⁶⁴ Ibid. P. 170.

⁶⁵ Ibid. P. 174.

⁶⁶ Ibid. P. 177.

⁶⁷ Our Guests from Russia // Times. 10.V.1916.

слухи о согласии союзников отдать России Константинополь⁶⁸. Уошберн считал, что нужно опубликовать сам договор и придать огласке конкретные военные цели России. Сазонов отказался от немедленной публикации без согласования с союзниками, но согласился опубликовать ответное заявление, где мог «зайти так далеко, как считал нужным, не объявляя при этом условия секретных договоров»⁶⁹. Уошберн утверждал, что написал черновик этого заявления, опубликованного в «Таймс». Помимо поддержки высказывания Асквита о крепнущей англо-русской дружбе, в нем говорится, что «южный» выход к морям обеспечит выполнение «исторических задач» России⁷⁰.

Уошберн сожалел, что Сазонов до своей отставки не успел опубликовать секретные договоры. По его мнению, решающее влияние на смену министра иностранных дел оказала императрица Александра Федоровна, которой не понравилась позиция Сазонова по послевоенному будущему Польши. «Либерал, человек большого мужества и стойкости»⁷¹, Сазонов считал крайне важным выполнить обещания, данные полякам в манифесте Николая Николаевича. Представитель МИД при Ставке Н.А. Базили рассказал Уошберну о разговоре генерала М.В. Алексеева с императрицей, заявившей, что Польша «принадлежит моему сыну, и я никогда не позволю императору делать что-либо, ограничивающее власть моего мальчика»⁷². «Жаркий» разговор царя и царицы предрешил судьбу министра, который еще недавно пользовался полной поддержкой и доверием Николая II. В результате «одна истеричная, неврастеничная женщина сумела изменить мировую историю, и с этого времени революция, отречение царя, полный крах России в войне и трагическая судьба всей царской семьи были предрешены»⁷³.

Описание Брусиловского прорыва стало для Уошберна нелегким испытанием. Изначально Ставка вообще не собиралась допускать журналистов к наступающим войскам. Уошберн не был исключением. Ситуацию усложняла его непреклонная решимость взять с собой в поездку своего друга, американского журналиста Лусиана Киркланда, к которому в Ставке отнеслись с явным недоверием. Предложение посетить Северный фронт Уошберн отверг и заявил, что уедет в США, если не попадет в Галицию. Кудашев, не желавший конфликта с журналистом, договорился со Ставкой, что американцы будут отправлены к генералу Брусилову, на которого и падет вся ответственность⁷⁴. Раздражение Ставки лишь усилилось, когда в немецкой печати появилось сообщение о больших потерях русской армии, отправленное якобы от имени Уошберна⁷⁵. Хотя скандал удалось быстро замять⁷⁶ (Уошберн даже напечатал опровержение в «Таймс»⁷⁷), осадок остался. Офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего подполковник П.Л. Ассанович прямо сказал Кудашеву, что чем меньше Уошберн «будет показываться и напоминать о себе в Ставке, тем лучше для него»⁷⁸. В это же время осложнились отношения с корреспондентом «Таймс» в Петрограде Робертом Вильтоном, который был недоволен статьями Уошберна и настаивал на собственной редакции его материалов перед их отправкой в Лондон⁷⁹.

⁶⁸ The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5SCV0082P0_19160530_HOC_84 (дата обращения: 10.11.2020).

⁶⁹ Washburn S. On the Russian Front... P. 178.

⁷⁰ Russian Aims // Times. 29.V.1916.

⁷¹ Washburn S. On the Russian Front... P. 216.

⁷² Ibid. P. 217.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 58.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2977. Л. 156.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 20, 22, 23, 24.

⁷⁷ German Distortion of War News // Times. 27.VII.1916.

⁷⁸ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 58 об.

⁷⁹ Morison S. The History of The Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952. P. 241.

Несмотря на возникшие проблемы и конфликты, Уошберну удалось наладить свою работу на фронте. Освещение наступления русской армии требовало постоянных перемещений по фронту, приходилось, по его словам, «мало спать, редко есть и прикладывать усилия, чтобы не быть убитым»⁸⁰. Значительно облегчали работу установленные связи: генералы нередко помогали Уошберну отправлять корреспонденции и публиковать свои статьи в «Таймс» уже на следующий день⁸¹. Впечатления от боев в Галиции легли в основу новой книги «Русское наступление», вышедшей в США в начале 1917 г.⁸²

КОРОТКАЯ ПОЕЗДКА В РУМЫНИЮ

27 августа 1916 г. Уошберну пришла телеграмма из редакции «Таймс» с просьбой выехать в Румынию для освещения ее участия в войне. От Базили Уошберн узнал, что генерал М.В. Алексеев был «в ярости» от решения Бухареста вступить в войну, так как оно ставило под угрозу левый фланг Юго-Западного фронта⁸³. Брусилов был также «очень зол» и не понимал, зачем вообще союзникам Румыния⁸⁴. Уошберн перед поездкой получил рекомендации МИД и Ставки для официальных лиц в Бухаресте⁸⁵. В Румынии он не встретил воодушевления. Король Фердинанд I заявил, что «не доверяет русским» и считает «предательством» с их стороны отказ поставить Румынии обещанное количество снарядов⁸⁶. Желая сгладить антипатию короля к России, Уошберн предложил ему опубликовать в «Таймс» заявление о военных целях Румынии. Среди прочего в нем говорилось о приверженности румын своим союзникам, их вере в «справедливую» Англию, «единокровную» Францию и великую Россию, своего «неизменного соседа»⁸⁷.

Во время поездки по фронту Уошберн понял, что положение Румынии перед лицом совместного наступления войск Германии и Австро-Венгрии безвыходно. Вернувшись в Бухарест, он заявил королеве Марии, что если немедленно не принять меры, то скоро королевская семья будет вынуждена «уехать и жить в Одессе или Киеве»⁸⁸. Уошберн утверждал, что подал королеве идею написать личное письмо Николаю II с просьбой перебросить в Румынию десять армейских корпусов⁸⁹. Пообещав передать письмо царю, он вернулся в штаб Юго-Западного фронта и предложил Брусилову опубликовать заявление о приверженности России своим обязательствам перед союзниками⁹⁰. Брусилов одобрил черновой вариант, написанный Уошберном и опубликованный в «Таймс» 10 ноября 1916 г. В начале заявления подчеркивалось, что союзниками «война уже выиграна, остается лишь предполагать, сколько еще времени потребуется, прежде чем противник убедится, что дело, ради которого они залили Европу кровью, безвозвратно проиграно»⁹¹. Позднее заявление появилось и в русской печати⁹². Из штаба Брусилова Уошберн отправился в Киев, где встретился с Николаем II. Царь, выглядевший «изможденным и осунувшимся», внимательно выслушал рассказы Уошберна о тяжелом положении Румынии. Журналист признался, что раздосадован победой Вильсона на президентских выборах в США, на что император ответил: «Я не понимаю вашей политики, но сожалею, если вы расстроены результатами»⁹³.

⁸⁰ Washburn S. On the Russian Front... P. 199.

⁸¹ Ibid. P. 201.

⁸² АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 76, 77, 78.

⁸³ Washburn S. On the Russian Front... P. 217.

⁸⁴ Ibid. P. 221.

⁸⁵ АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 127. Л. 451.

⁸⁶ Washburn S. On the Russian Front... P. 234.

⁸⁷ The Aims of Rumania // Times. 13.X.1916.

⁸⁸ Washburn S. On the Russian Front... P. 243.

⁸⁹ Ibid. P. 251.

⁹⁰ Ibid. P. 262, 264.

⁹¹ General Brusiloff's Optimism // Times. 10.XI.1916.

⁹² Военная летопись. I.XI.1916.

⁹³ Washburn S. On the Russian Front... P. 266.

Вернувшись в Петроград в ноябре 1916 г., Уошберн надеялся на короткий отдых, однако постоянные посетители вынуждали его принимать их с раннего утра и до позднего вечера. Такой график работы серьезно ухудшил состояние его здоровья. Тем временем ситуация в Петрограде становилась все более напряженной, усиливались «волнение и шум» в Думе, и Уошберн впервые «предположил возможность революции»⁹⁴. В конце декабря 1916 г. он в сопровождении жены отправился на лечение в США. Путь через Норвегию стал к тому времени небезопасен из-за подводной войны, которую вела Германия. Поэтому пришлось ехать через Сибирь в Японию. В новогодней телеграмме Брусилову из Владивостока Уошберн обещал вернуться на русский фронт в апреле 1917 г.⁹⁵, однако Февральская революция и вступление США в мировую войну изменили планы журналиста.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД

Когда в США стало известно об отречении царя, Уошберн немедленно отправился в Вашингтон, где добился встречи с членами Совета национальной обороны, военным министром Ньютоном Бейкером, государственным секретарем Робертом Лансингом. Уошберн считал, что нужно как можно скорее установить связь с Временным правительством. На слушаниях в Совете национальной обороны он предложил направить американскую комиссию для оказания помощи в реорганизации железнодорожной системы России «от Тихого океана до Москвы»⁹⁶. С бригадным генералом Джозефом Куном Уошберн также обсуждал отправку американского контингента (около 500 тыс. человек) на русский фронт через Дальний Восток. С его точки зрения, это была работа на перспективу: благодаря активной политике в России США укрепят свои позиции в русской торговле и коммерции после войны⁹⁷. Важным направлением Уошберн считал стабилизацию политической системы в России. В марте 1917 г. он писал Нортклиффу, что завоевания Февраля могут быть сметены «фанатичными радикалами», которые не побрезгуют немецкими деньгами и пойдут на сепаратный мир. В противовес этому необходимо «развивать и продвигать все формы публикаций, которые позволят достучаться до простых людей в России»⁹⁸. Это позволит «сделать имя Америки и американцев известным в Петрограде так же, как и в Бельгии»⁹⁹.

Инициативы заинтересовали членов администрации президента США В. Вильсона. Уошберна включили в состав комиссии сенатора Элиу Рута, отправившейся в Россию 14 мая 1917 г. Из Владивостока в Петроград миссия ехала в царском поезде и прибыла в русскую столицу 13 июня 1917 г. Члены миссии были размещены в Зимнем дворце, в комнатах Екатерины II. Уошберн поселился в апартаментах «любовников Екатерины, которые, согласно истории, менялись каждый месяц»¹⁰⁰. Миссия Рута произвела на него двоякое впечатление. С одной стороны, состоялось большое количество встреч с представителями новой власти, общественными и национальными организациями. Уошберн особое внимание уделил помощи военнопленным и беженцам¹⁰¹. Но за этими встречами он не видел реальных дел: не было создано Бюро пропаганды, откладывалось и решение о посылке в Россию американских войск. Уошберн расходился с Руту в оценке положения России и ее перспектив в войне. А.Ф. Керенского он называл «демагогом», который «уже возомнил себя молодым Наполеоном», хотя ничего не понимал в военном деле¹⁰².

⁹⁴ Ibid. P. 268.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2980. Л. 6.

⁹⁶ Ingram A. Op. cit. P. 50.

⁹⁷ Washburn S. On the Russian Front... P. 279.

⁹⁸ Ingram A. Op. cit. P. 52.

⁹⁹ Polk J. Op. cit. P. 48.

¹⁰⁰ Washburn S. On the Russian Front... P. 297.

¹⁰¹ Polk J. Op. cit. P. 48.

¹⁰² Washburn S. On the Russian Front... P. 304.

В Ставке Уошберн вновь встретился с Брусиловым, который просил уговорить Керенского не начинать наступление в Галиции, обреченное на провал¹⁰³. Однако Рут не согласился с такой оценкой и не отговаривал Керенского от каких-либо военных решений. Сенатор вообще тяготился своей миссией и всеми путями стремился сократить пребывание в Петрограде. В отчете о поездке он с удовлетворением подчеркивал, что Временное правительство «намерено продолжать войну и не заключать сепаратный мир», и это казалось Руту главным в той ситуации¹⁰⁴. Спустя месяц пребывания миссия выехала из Петрограда и 8 августа 1917 г. вернулась в США.

После окончания миссии Рута Уошберн больше не посещал Россию, хотя и привлекался к работе на «русском» направлении американской внешней политики. Вскоре после возвращения в США он был назначен советником госсекретаря Лансинга и на новом посту хлопотал о выделении помощи России и Румынии, произнес множество речей о «важности России в сдерживании врага на Восточном фронте»¹⁰⁵. В сентябре 1917 г. Уошберн, майор американской армии, отправился на Западный фронт в составе 26-й пехотной дивизии. После войны он привлекался к работе американской делегации на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.¹⁰⁶, предпринял две безуспешные попытки пройти в Конгресс от штата Нью-Джерси, возглавлял угольную компанию и союз угольных производителей в штате Северная Дакота.

От журналистской деятельности Уошберн после войны отошел, лишь изредка публикуя в прессе свои заметки о событиях в США и в мире. Октябрьскую революцию он рассматривал как торжество германской подрывной деятельности в России, а Брестский мир и признание западными державами СССР в 1920-е годы — как предательство памяти миллионов погибших солдат и офицеров¹⁰⁷. Уошберн считал, что союзники не оказали России достаточную помощь в войне. Тем не менее он верил, что рано или поздно роль России в общей победе над Центральными державами будет по достоинству оценена¹⁰⁸.

* * *

Как и к любым другим, к мемуарам Стэнли Уошберна следует относиться с осторожностью: это источник тенденциозный. С одной стороны, в ходе повествования автор ставит себя в центр крупных военных и политических событий, предсказывает победы и поражения армий, дает советы политикам и слушает признания дипломатов о секретных переговорах. С другой стороны, многие рассказы Уошберна подтверждаются документально. Например, встречи с Николаем II и великим князем Николаем Николаевичем, переписка с С.Д. Сазоновым, передвижения по русскому фронту, посещение революционного Петрограда. В воспоминаниях речь идет не только о приключениях Уошберна в России, но и о меняющейся роли журналиста в современной войне. Как и коллегам на Западном фронте, Уошберну пришлось преодолевать многочисленные бюрократические препятствия, подозрительность и недоверие к нему военных. Тем не менее в итоге он удостоился высочайшего приема и мог осматривать фронт лично, вне организованных групп. Конечно, изменение отношения к корреспондентам происходило главным образом под влиянием обстановки: затяжная война на истощение требовала от правительств более пристального внимания к общественному мнению. Но не стоит недооценивать и роль личности: в Уошберне сочетались талант и уникальное положение представителя нейтральной страны в далекой России. Увидев, какое внимание

¹⁰³ Ibid. P. 303.

¹⁰⁴ Ingram A. Op. cit. P. 290.

¹⁰⁵ Washburn S. On the Russian Front... P. 313.

¹⁰⁶ Asada S. Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 224.

¹⁰⁷ U.S. and the Soviet // Times. 15.V.1923.

¹⁰⁸ Washburn S. On the Russian Front... P. 318–319.

вызывают его статьи в Европе и США, Ставка стала лояльнее относиться и к другим зарубежным журналистам.

Помимо хрестоматийной книги М.К. Лемке «250 дней в царской ставке», журналистские воспоминания о русском фронте Первой мировой войны встречаются исследователям крайне редко. Одни корреспонденты не успели или не захотели писать об этом опыте, другие не акцентировали на нем большого внимания. В этом смысле мемуары Стэнли Уошберна также можно считать уникальными. Побывавший на передовой с русской армией и в «высоких» кабинетах Петрограда, Уошберн оставил редкое по своему объему и весьма яркое свидетельство о предреволюционной России.

Библиография

Банникова Н.В. Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в распоряжении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–141.

Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 28–33.

Богомолов И.К. Американский журналист Стэнли Уошберн на русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 3. С. 78–99.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. М., 2015.

Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. М., 1997. С. 177–189.

Третьякова С.Н. Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76.

Asada S. Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 211–230.

Cockfield J.H. General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26 (4). P. 653–672.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

Ingram A.E. The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970.

Morison S. The History of the Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952.

Pares B. My Russian Memoirs. London, 1931.

Polk J. A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

Researching World War I: A Handbook. London, 2003.

The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5CV0082P0_19160530_HOC_84 (access date: 10.11.2020).

Washburn S. Field Notes from the Russian Front. London, 1915.

Washburn S. Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

Washburn S. On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.

Washburn S. The Cable Game. Boston, 1912.

Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915.

Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

References

Bannikova N.V. Dokumenty arkhiva britanskoi gazety “Tayms” o deyatelnosti zhurnalista Stenli Vashburna v raspolozhenii rossiiskikh voisk v Pervuyu mirovuyu voinu [Documents from the archives of the British newspaper “Times” on the activities of journalist Stanley Washburn in the deployment of Russian troops in the First World War] // Istoriya i Arkhivy [History and Archives]. 2020. № 3. P. 133–141. (In Russ.)

Blokhin V.F. Voennye korrespondenty Minskogo voennogo okruga v gody Pervoi mirovoi voiny: k istorii voprosa [War correspondents of the Minsk Military District during the First World War: on the history of

the issue] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2017. № 3. P. 28–33. (In Russ.)

Bogomolov I.K. Amerikanskiy zhurnalists Stenli Uoshbern na Russkom fronte Pervoi mirovoi voyny [American Journalist Stanley Washburn at The Russian Front of The First World War] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. 2020. № 3. P. 78–99. (In Russ.)

Lemke M.K. 250 dnei v Tsarskoi Stavke [250 days at the Tsar's Headquarters]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Listikov S.V. Rossiya v pervoi mirovoi voine glazami amerikanskogo zhurnalista Stenli Uoshberna, 1917–1919 gg. [Russia in World War I through the eyes of American journalist Stanley Washburn, 1917–1919] // Amerikanskiy Ezhegodnik [American Yearbook]. Moskva, 1997. P. 177–189. (In Russ.)

Tretiakova S.N. Amerikanskiy korrespondent Stenli Uoshbern na russkom fronte [American correspondent Stanley Washburn on the Russian front] // Voenno-istoricheskii zhurnal [Military-historical journal]. 2019. № 10. P. 71–76. (In Russ.)

Asada S. Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 211–230.

Cockfield J.H. General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26(4). P. 653–672.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

Ingram A.E. The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970.

Morison S. The History of the Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952.

Pares B. My Russian Memoirs. London, 1931.

Polk J. A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

Researching World War I: A Handbook. London, 2003.

The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5CV0082P0_19160530_HOC_84 (access date: 10.11.2020).

Washburn S. Field Notes from the Russian Front. London, 1915.

Washburn S. Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

Washburn S. The Cable Game. Boston, 1912.

Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915.

Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

Washburn S. On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.